

Сам необыкновенный язык наш есть тайна...

В 1821 году В. Кюхельбекер писал: «Рассматривая народ как существо духовного порядка, мы можем назвать язык, на котором он говорит, его душой, и тогда история этого языка будет значительнее, чем даже история политических изменений этого народа, с которыми, однако, история его тесно связана». Что же происходит с душой народа сейчас? Сегодняшнее нравственное состояние нашего общества с беспощадной точностью отражается в разговорном языке.

Открываю толковый словарь, зафиксировавший языковые изменения конца XX века. Чем же обогатился наш язык в последние десятилетия? И обогатился ли? Новых слов много, но какие это слова? ... Баксы, башлять, бодипирсинг, бой-френд, виповский, дампинг, имиджмейкер, китчмен, клипмейкер, ксивник, лейбл, медиа-баинг, пиарить, плюрализм, прикид, рейв-тусовка, рэппер, секьюрити, татуаж, тинейджер, хавальник, шейпинг – и далее в том же духе. Нетрудно заметить, что это или иноязычные слова, отражающие не свойственные нашей традиции и зачастую весьма отвратные реалии, или жаргонизмы, которыми сегодня считают приличным пользоваться и некоторые писатели, и политики, и ученые.

Процессы, которые происходят сейчас в современных языках, лингвисты называют «третьей варваризацией» (первая была в Петровскую эпоху, вторая – после революции 1917 года). Точнее, следовало бы говорить о тотальной жаргонизации, ибо именно жаргон правит сегодня свой мерзкий бал в речи большинства представителей всех слоев общества. Происходит стремительная жаргонизация и современной литературной речи, жаргонизмы все расширяют свое присутствие в языковом пространстве. Лингвисты отмечают, что если в 1960-1980 годы молодежный жаргон формировался в основном за счет иноязычных заимствований (в силу романтизации, идеализации западного образа жизни), то сегодня студенты и школьники (а также политики, общественные деятели, бизнесмены, «попзвезды», шоумены и «модные» писатели) изъясняются преимущественно с помощью «блатной» лексики. Современный жаргон, мутными потоками заливающий языковое пространство, испытывает сильнейшее воздействие воровского аргота и несет «идеологию» бездуховности, индивидуализма и потребительства. Как пишет лингвист О. Морозова, «современный жаргон отражает идеологию разъединения и отстранения людей друг от друга (отвали, отвянь) и безразличия по отношению к другому человеку (сугубо фиолетово, параллельно)» ... Таковы ценностные ориентиры, навязываемые современному обществу, такова сущность тех, кто ... диктует обществу свои законы.

Можем ли мы, каждый из нас, повлиять на современное состояние нашего языка?

В ходе различных дискуссий, которые устраивают сегодня те «модные» литераторы, с которыми так охотно сотрудничают средства массовой информации, нередко высказываются безапелляционные утверждения о том,

что язык – это стихия, влиять на него невозможно и писателю остается лишь фиксировать это состояние. Потому, дескать, невозможно сегодня быть современным писателем (журналистом, публицистом и т.д.), не используя жаргонизмы и нецензурную лексику.

Но такие утверждения – проявления невежества или лукавства. Знаменитый лингвист Н. Трубецкой подчеркивал, что если эволюция народных языков представляет собой естественноисторический процесс, то эволюция литературных языков – это процесс культурно-исторический. Чья-либо воля или инициатива не в силах отменить или направить в какую-либо сторону развитие живого языка. Напротив, литературные языки создаются людьми, культурной элитой общества. История народных языков безлична, а история литературных языков всегда носит личный характер. «Дело в том, – писал он, – что назначение настоящего литературного языка совершенно отлично от назначения народного говора. Настоящий литературный язык является орудием духовной культуры и предназначается для разработки, развития и углубления не только изящной литературы, в собственном смысле слова, но и научной, философской, религиозной и политической мысли».

Итак, главное назначение литературного языка – быть орудием духовной культуры. И во все исторические периоды он выполнял эту задачу. Литература Древней Руси, классическая литература, лучшие произведения писателей-современников способны и призваны формировать богатую, цельную, достойную личность, ибо, как говорил В. Короленко, слово, орудие литературы «не есть мертвое и внешнее зеркало; оно есть в то же время орудие живого, движущегося, совершенствующегося духа. Оно есть орудие совершенствования».

Поэтому нельзя смешивать разговорный и литературный язык. К последнему предъявляются более высокие требования. Сегодня же мы наблюдаем стремление многих идеологов (в том числе и литераторов) произвести именно такое смешение, в сущности – уничтожить литературный язык как таковой, сделать его письменной разновидностью современного разговорного (больного, жаргонизированного) языка, то есть окончательно разрушить языковую иерархию.

С давних времен в языке сложилась своя иерархия, как сложилась она в государстве, церкви, семье. Высшим уровнем языка в этой иерархии с конца X века, со времени Крещения Руси, стал церковнославянский язык, до наших дней остающийся богослужебным языком Православной Церкви. Славянская азбука – кириллица – стала на Киевской Руси основой для возникновения книжности. М. Ломоносов со всей убежденностью утверждал, что современный язык не будет подвержен упадку, «коль долго Церковь Православная славословием Божиим на славенском языке украшаться будет».

Церковнославянский язык для человека является родным языком. Примечательно, что когда я задала второклассникам, начинающим изучать кириллицу, вопрос: «Иностранный или родной язык – церковнославянский?» – они уверенно ответили: «Родной». А на вопрос: «Почему?» объяснили: «Потому

что на нем служат в церкви, потому что мы читаем Евангелие на этом языке, молимся на нем».

На протяжении целого тысячелетия этот язык формировал языковую личность, культуру и литературный язык.

По мнению исследователей, современный литературный язык является прямым преемником староцерковного славянского языка, созданного святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием в качестве богослужебного языка для всех славян. Церковнославянский язык был, как отмечал академик В. Виноградов, «национализирован культурой и, будучи священным языком... постоянно обогащает, развивает народную речь». Посредством церковнославянского языка наш современный литературный язык примыкает к греческой византийской и античной языковой традиции ...

Языковое различие между бытовым, земным, материальным – с одной стороны, и возвышенно-духовным, небесным – с другой, складывалось постепенно, естественно и закономерно. И это самым прямым образом связано с тем, что небесное и земное строго разделяются в самосознании. Языку бытовому, разговорному, а тем более просторечному всегда соответствовала и бытовая, обыденная, сниженная сфера применения. Образно говоря, если церковнославянский был горным языком, то разговорный, просторечный – дольным. Эта иерархия отразилась и на всем укладе жизни и на самом смысле ее.

Различное понимание сущности современного литературного языка, различное отношение к нему отражают идеологическое противостояние, наблюдающееся сегодня в обществе. Те, для кого литературный язык является лишь средством самовыражения и общения на уровне ерничества, болтовни и глумления над всем и вся, стремятся надругаться над его сакральной сущностью и подменить великий, могучий, правдивый и свободный, духоносный и светоносный язык, средоточие исторического и духовного опыта народа, его мудрости языковой, взрывчатой смесью, состоящей из самых низких форм просторечия, блатного жаргона, «непереваренных» иноязычных слов и нецензурной брани. Понятно, что это стремление отражает явное или подспудное желание уничтожить национальную самобытность нашей истории и духовности, культуры, уклада жизни.

Те же, для кого церковнославянский язык остается святыней, призваны противостоять этим стремлениям. Мы должны осознавать, что сегодня происходит борьба между жаргонизированной языковой стихией, в которую события последних десятилетий общественной жизни превратили разговорный язык ...

Сегодня писателям и всем, кто участвует в формировании и сбережении литературного языка, – общественным и государственным деятелям, публицистам, ученым, учителям-словесникам – нужно осознанно взять на себя ответственность за будущее нашего языка, ибо это будущее зависит от нашей позиции.

«Мне страшно подумать, – может сказать каждый из нас вслед за В. Короленко, – что моим детям был бы непонятен мой язык, а за ним – и мои

понятия, мечты, стремления, моя любовь к своей бедной природе, к своему родному народу, к своей соломенной деревне, к своей стране, которой, хорошо ли, плохо ли, служишь сам» ...

(Публикуется в сокращении)